

Светлана Матлина

ПЛАСТОВСКИЙ ЛАРЕЦ

Яростный цвет

Что такое Пластов? Это его картины. Раскрывай пластовский заветный, завещанный нам ларец. Доставай его самоцветы, любуйся, думай! Наслаждение сердцу, уму и глазу.

И стучат ветки вишен, яблонь в окно деревенского дома, бродят по окну тени голубые и розовые, лунный свет лучами ложится на пол возле кровати, будит воспоминания. Помню, как нас собирали колоски собирать в поля осенние ребятишками, как костры жгли на холмах и лук с картошкой пекли, а красота земная подступала к глазам. И лица людские добрые помню, к старости как высеченные из темного камня.

Бани эти помню, как матери нас укутывали, а до того драили щелоком да венником березовым. Целый праздник был – суббота. И зима, и морозище, и на санках тебя домой поздно вечером везут, как княжонка, а в небе грозном, синем таинство сладкое, а у тебя сил нет рукой шевельнуть от усталости и блаженства, и засыпаешь под скрип полозьев.

Снова вижу во сне, какая мать красивая и молодая. В короне теплых искристо-черных волос, медленно упдающих под ее небрежной рукой, укутывающих белизну точеного тела. Думаешь: и мне бы такой стать! И чувствуешь, что одежда, хоть и богатая, и дорогая, - просто прикрытые красы, чтоб глаза не слепила, ума не лишила.

И эти коровы могучие, породные, добродушные, со звездами во лбу и на лоснящихся атласных боках, как богини, и наряды девок – яркие, броские, алость лета на устах и щеках, и детишки, перепачканные малиной, в ситцевых легких цветастых платьицах-рубашонках, вздутых ветерками, и молоко, тут же от стада, несомое мужикам, прилегшим под дубом раскидистым, - и серое бескрайнее небо.

Эти Ванюшки Репины в милицейских фуражках отцовых, в фуфайках.

А ужин в поле, с пластами драгоценными огненными земли, как бы разломленной на ломти только что поспевшего каравая, - Земля красным хлебом вся полегла вокруг и ласково, тепло, молочно дышит.

И мать с младенцем под пышной горкой алых взбитых подушек на кровати, отдернутый алый полог, и вся

она – как в алом луче, и мать – розовая, под березками рябящими, с подсолнухом, ягодами смородиновыми-вишневыми, прикрывающаяся руками обеими от солнышка, и малышонок, уцепившийся за розовеющий бугорок груди.

И молодежные гулянья по селу в праздники, цветенье платков и шалей нарядных, улыбок под запевки и гармошки местных ребят, и лилово-лимонная полоска над заснеженными крышами и черными голыми стволами.

И Никиты Гуляевы с их статью и открытыми, полными достоинства и нажитой жизненной мудрости лицами, с бородами, как у Льва Толстого, и в таких же темных вольных рубахах, подпоясанных ремешками, среди желтеющих нив.

Каскады света, проливающиеся, нет, обрушившиеся с бескрайнего неба на луга и озера, на бегущих разгоряченных коней, что с ноздрями, как розы, на колхозное гулянье, где садишь рядом – не помешаешь, пой да пляши со всеми вместе, радуясь жизни...

И мартовское солнце, под которое запели огненные петухи на земляной завалинке, раскрылись шире глаза избы, проглянули первые проталины голубые, и уж девчужка с ведрами осторожно ступает по обломленной березке, чтоб не замочить валенок, пробираясь к дому.

И мельница-царица, хозяйюшка деревни, с поводами конскими вокруг, с галкой зоркой, сторожащей зерно: вдруг просыпят на радость?

И деревенский март, от которого несет тебя, не чующего под собой ног, светлая радость весны в просторы, на волю, под рассыпавшееся повсюду солнце, на звуки тракторов, машин, и блестит ярче золота оброненная с подводы солома под мягкими нежными губами лошадки...

И – осень, прислонихинская осень, темная, заплаканная, как вдова-солдатка, с черным жеребенком и словно из первого снега слепленными ослепительно-белыми гусями...

Все это он, Пластов. И все это - ты сам, твое детство и твоя зрелость, картины твоей жизни и открытия мира...

Трудник красоты

И опять отрываю от сердца заветные думы-листки, роняю наземь, как дерево в осень. И опять открываю пластовский ларец. Как занедужится – такой мощный заряд энергии, душевного здоровья излучается, кажется, и мертвого подымет. Так собачонка ищет от хворобы травку.

Купавки медовые, колокольцы, синеющие опрокинутыми куполками, кашка, кровохлебка, ромашка, кукушкины слезки, от коих воздух хмельнее браги, кружевная березь, милые-милые стволы с израненной берестой и дали – на которые, пока жив, откликнешься, не устав любоваться, тысячи раз тобой исхоженные. И люди-то из тех, кто всегда рядом, как ты сам, немудрящие. И забобушка их в сладость – пора сенокосная. Так бы и упасть в эти травы, и уж если умирать, то сейчас, тут, задохнувшись от счастья. Истинно так!

А весна, а мать молодая прекрасная краше всех Венер и Данай, как краше всех творений искусства живущий цветущий человек... свет в окошке... дополнительного земного дыхания каждому вливает чудотворная кисть... верьте мудрому мастеру...

Он стоит; кругом весна хлопочет, за ушко на солнышко подснежник тащит, птиц по лесу расселяет, красит небо, умывает землю. Под могучей он стоит березой с памятной юношескою датой: вырезали с другом перед фронтом. Бережную беличьєю кистью на мольберт он наносит краски. Лесорубы поглядеть подходят и желают доброго.

У могилы Пластова

Теплым осенним днем прислонихинское кладбище сплошь покрыто мелкими цветущими полевыми лилиями, которые любил Христос. Как капельками юной крови. Словно только что прошел босиком меж колосьев и трав полевыми путями. Птицы поют... как будто со смертью не конец, а начало. А огромный дубовый крест – парусом в океане воздушном.

А ведь были душистые ветки, были проводы майских берез. В крепдешинах цветастых заветных – песня, пляска – до утренних звезд!

Нет, не хочет смирения плоть. Все равно жизнь чего-нибудь стоит, где любили стирать и полоть – наше вечное дело простое, и где верою жили святых, и пельмени узором писали, и не знали подарков иных, чем беда, а уж как работали! Где травинка любая поет под морозным серпом огнецветным, и зола вдруг да в очи сверкнет теплым взором знакомым приветным.

И тихонько бормочет судьба, тени предков глаза застилают. Пусть творится ее ворожба: хлеб не сохнет, ключ не иссякает. И безрука, невинно-проста, оживая волнующей новью, исступленно цветет красота божьей запечатленной любовью. Вспоминают всех тех, кто ушел, и вода, и звезда, и дорога. Оттого затуманился дол, и склонилась ветла у порога. Тянет с облака снова сюда, к жизни грубой, и плотной, и трудной. И тихонько бормочет судьба, подгоняя твой облак жемчужный...

Наработался, притомился и прилег отдохнуть, скрестив на груди тяжелые, протравленные краской руки... притомился и лег...

В оформлении использованы фрагменты резьбы по дереву, выполненные Аркадием и Николаем Пластовыми; репродукции картин А.А. Пластова: "Молодые" (1955-1957), "Вовка-неслушник" (1964), "Девочка в красном платье и желтой кофточке".

